

Шубина Марина Михайловна

**"КУЛЬТУРНЫЙ РАСИЗМ" СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ИЗМЕНЕНИЕ ПОНИМАНИЯ
ФЕНОМЕНА РАСЫ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/10-2/58.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 10 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 142-144. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Деятельность по организации и проведению мероприятий по предупреждению злоупотребления наркотическими средствами состоит из двух взаимосвязанных элементов: деятельности, направленной на сокращение употребления или спроса на наркотики, и деятельности, направленной на сокращение незаконного предложения наркотиков. Решение оперативно - служебных задач стоящих перед службой по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, неразрывно связано с комплексным решением этих проблем.

Кроме этого, основными видами деятельности здесь можно назвать следующее:

1. Организация, в том числе силами обучающихся и студентов при участии родителей и педагогических работников учреждений, культурно-развлекательных, спортивных и иных досуговых мероприятий, направленных на формирование у молодежи мотивации на ведение здорового образа жизни негативного отношения к потреблению наркотиков, алкоголя и курению.

2. Проведение молодежных мероприятий, направленных против наркотиков и других психоактивных веществ (концерты, студенческие вечера, встречи между разными образовательными учреждениями с обсуждением данных проблем и др.).

«КУЛЬТУРНЫЙ РАСИЗМ» СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ИЗМЕНЕНИЕ ПОНИМАНИЯ ФЕНОМЕНА РАСЫ

Шубина Марина Михайловна

Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса

Появление «нового (культурного) расизма» свидетельствует о настоящей необходимости понимания расизма и феномена расы как исторически меняющихся явлений. По Д. Голдбергу, необходимо концептуально определить расу, принимая во внимание то, что этот термин означал в разное время. Тем самым, вопрос о том, является ли раса онтологически валидным понятием или нет, трансформируется в проблему идеологической определенности субъективности, построенной на мышлении в расово дихотомических терминах. Исследования «нового расизма» показывают, что современное проявление такого мышления кодируется в языке: раса кодируется в качестве культуры. Семантика расы создается сложным взаимодействием множества отличающихся друг от друга дискурсов, в котором языки культуры начинают включать в себя термины расовой принадлежности.

Расовая политика претерпела значительные изменения в последние десятилетия. Эти трансформации частично нашли свое отражение в теоретических дискуссиях об онтологическом статусе расы и методологии ее изучения. Однако, когда некоторые авторы, пишущие о расе и этничности, попытались отделить исследовательский процесс от политики, то оказалось, что делать это невозможно или нежелательно. Поэтому политический контекст концептуализированного расизма и «этнизма» необходимо объяснить.

Прежде всего, следует отметить, что ни одно из теоретических направлений в изучении расовых и этнических отношений не является в настоящее время доминирующим и общепризнанным. Большая часть из основных исследовательских парадигм не может быть принята в качестве теоретически полных: потребность в большей четкости при определении ключевых понятий и оперировании ими продолжает существовать. Возможно, М. Бэнтон прав, когда пишет, что различные теоретические парадигмы могут по-разному описать процессы, происходящие в сфере расовых и этнических отношений, поскольку одним и тем же ситуациям приписывают свои специфические значения [Скворцов, с. 36]. Однако дело не только в этом: разные парадигмы явно или неявно исходят из отличающихся политических установок и позиций.

Вопрос о том, каким образом концептуально оформляются расовый и этнический дискурсы, не является чисто академическим, он всегда связан с более широким политическим контекстом в любой исторический момент времени. В частности, исследование Л. Бэка и Дж. Соломоса, двух известных неомарксистов, занимающихся этническими и расовыми проблемами, продемонстрировало связь науки и политики в этой области [Там же, с. 38]. Его исходным пунктом было предположение о том, что раса является прежде всего политическим конструктом. Отсюда следует, что утверждения, принадлежащие к расовому дискурсу, должны анализироваться в контексте процессов социальной регуляции и формирования идентичности. Однако проведенный анализ показал, что формы расизма многообразны и сложны, а его логику следует оценивать с точки зрения того, что авторы называют «метонимическими уточнениями». Это означает, что дискурсивно формы расизма могут выражаться через множество кодированных значений. Современный расизм развивался, адаптируясь к новым историческим обстоятельствам. Главным следствием этих «уточнений» является то, что в некоторых случаях расизм принимает скрытые или видоизмененные формы. Например, упоминавшийся «новый расизм» 80-х годов кодировался в терминах логики культурных конфигураций, и его сторонники могли утверждать, что они защищают свой образ жизни, а цвет кожи к этому не имеет никакого отношения.

С этой точки зрения, какое-либо единое или очень простое определение расизма вряд ли возможно. Тем не менее, современные формы расизма имеют некоторые общие главные черты. Они пытаются зафиксировать социальные группы в терминах естественных свойств принадлежности внутри политического и географического контекстов. Значения, придаваемые расе и расизму, должны быть помещены в определенные зо-

ны дискурса и увязаны с социальными отношениями, обнаруженными внутри этих контекстов. Тогда становится ясно, что идентичности, основанные на расовых характеристиках, формируются также внутри этих контекстов. Дж. Соломос предлагает подход, который релевантен для любого анализа расовых отношений, связан ли он с политикой какого-либо государства или с политической организацией, выражающей интересы расовых или этнических групп [Solomos]. Этот подход стремится расшифровать значения расовых идентичностей, не отдавая при этом предпочтения ни одной из классификаций. Речь идет о такой модели концептуализированного расизма, которая, во-первых, учитывает локальные и контекстуальные проявления расистского дискурса и, во-вторых, способна увязать локальные проявления с более широкими общественными дискурсами.

Современные теоретические работы выработали такую модель, которая выводит формы расизма из политического дискурса. Однако одним из слабых мест этой литературы, с точки зрения Дж. Соломоса, является то, что, исследуя дискурсы политики и средств массовой информации, она не попыталась выяснить, как эти идеологические формы выглядят на локальных уровнях внутри отдельных общностей и групп. Серия же эмпирических исследований показала, как формирование значений происходит в местных сообществах, например, мультиэтнических группах рабочей молодежи. В контактах чернокожих молодых людей со своими белыми ровесниками в городах «негритянская культура становится классовой культурой ... поскольку два поколения белых присвоили ее, открыли для себя соблазнительные формы ее значений» [Ibidem]. Результатом является то, что невозможно говорить о негритянской культуре в Британии отдельно от культуры Британии в целом. Этот локальный уровень формирования значений очень важен для развития расизма, который социально, политически и даже географически обусловлен.

Интересной и новой темой работ современных неомарксистов является вопрос о влиянии различных форм расизма на белое большинство. Р. Дайер в своей работе, например, утверждает, что в киноискусстве «белая идентичность» присутствует имплицитно: она предстает как «нормальность» и, как таковая, не нуждается в определении и анализе [Dyer]. С другой стороны, для негров идея «белой идентичности» ассоциируется с террором. Описывая свой опыт чернокожей женщины, выросшей в Америке, Б. Хукс пишет: «Идея «белой расы» в воображении черных часто предстает в образе террора» [Hooks].

Этот сюжет в современной литературе имеет важные следствия. Одним из наиболее критикуемых аспектов социологии расовых и этнических отношений является то, что она сосредоточивается главным образом на жертвах расизма, а не его виновниках. Критический анализ «белой идентичности» социологически подрывает основы того «здорового смысла», который автоматически переводит любое обсуждение расизма в область изучения негритянских сообществ. С. Холл указывает, что переосмысление данной идеи необходимо не только в целях борьбы с расизмом, но и для обеспечения благополучия различных расовых диаспор в различных странах. «Думаю, для чернокожих, живущих в Британии, - пишет он, - вопрос о том, как британцы могут научиться жить вместе с нами, почти столь же важен, как вопрос о нашей собственной идентичности. Мне представляется, что белые находятся даже в более трудном положении, чем мы. Мы, сколь бы курьезным это ни казалось, вынуждены спасти их (белых) от самих себя - от их собственного прошлого. Нам приходится позволить им увидеть, что Англия - это довольно интересное место с довольно интересной историей, которое правило нами почти 300 лет, но теперь это закончилось. Так кто же они теперь?» [Скворцов].

Серьезный вклад в обсуждение и развитие проблемы происхождения социальных неравенств внесли Э. Дюркгейм и Г. Зиммель. Особое внимание привлекает их дискуссия об отношении между разделением труда и социальной интеграцией. В этой дискуссии рождается идея пересмотра происхождения неравенств не просто как существенных различий, а, прежде всего, различий, имеющих стратификационную природу. Главным вопросом становится вопрос о том, основано ли разделение труда на природной дифференциации людей (между мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми и т.п.), или оно может быть объяснено исключительно социальными факторами. Возникает вопрос о том, является ли разделение труда универсальным феноменом, или его действие имеет исторический, а, значит, возможно, преходящий характер. Э. Дюркгейм показывает такие негативные последствия разделения труда, проявляющиеся с развитием индустриального капитализма, как бедность, социальные напряжения и др. Однако он полагает, что «нормальные» формы разделения труда могли бы привести к развитию «органической солидарности» как солидарности через взаимозависимость в сложном индустриальном обществе. Приводимые аргументы не доказывали, но и не опровергали неизбежность и универсальность неравенств - и этим заметно отличались от собственно либерального и марксистского направлений мысли. Они обращали внимание на возможность организационно-функционального регулирования социальных неравенств, основанных на разделении труда [Дюркгейм, с. 347].

В дискурс социального неравенства, таким образом, вводился критерий «социальной важности» позиций, ролей, выполняемых индивидами. Данное сугубо рациональное объяснение неравенств заключало в себе значительную долю волонтаризма через допущение субъективной оценки важности позиций и игнорирование моментов легитимации. Оставалось неясным - кто определяет меру важности и в чьих интересах? А, следовательно, рациональным с чьей точки зрения является существующее неравенство.

Пожалуй, главный вывод, который был получен в результате социологической дискуссии с функционалистами, состоял в том, что социальное неравенство имеет множество функций и дисфункций, которые непосредственным образом отражаются на состоянии общества.

Этот вывод получает несколько неожиданное развитие в теории социальных классов Р. Дарендорфа. Он опирается на две фундаментальные идеи: идею Т. Парсонса о необходимости дифференцированного социального порядка как следствие эволюции социальной системы, и идею Э. Дюркгейма о том, что каждое общество является «моральной общностью». Из этого синтеза возникает идея социального контроля как института принудительных социальных норм, поддержанных соответствующими санкциями. Логика, основанная на данной идее, приводит Р. Дарендорфа к выводу о том, что неравенство происходит из существующих в человеческом обществе норм поведения, которые закрепляются санкциями. Таким образом, согласно автору, нормы закона и морали представляются необходимым и достаточным условием существования социального неравенства [Darendorf, p. 30-37]. Р. Дарендорф отмечает, что этот тезис также справедлив и для обществ, в которых равенство утверждено как конституционный принцип. То есть, как только поведение людей начинает измеряться в терминах норм, следом возникает иерархический порядок социальных статусов, неравенств и классов. Таким образом, влияние данного фактора зависит, прежде всего, от ответов на вопросы: откуда берутся нормы, регулирующие социальный порядок, и при каких условиях эти нормы изменяются в конкретных обществах. В отличие от предшественников, Р. Дарендорф исключает как человеческую природу, так и исторически неоднозначную концепцию частной собственности из рассмотрения источников социальных неравенств. И делает вывод о том, что неравенства проистекают из конкретных черт человеческого общества, связанных с дифференциацией социальных позиций, разделением труда. Развивающаяся дифференциация и упорядочивание социальных позиций, их стратификация по шкале престижа и дохода являются результатом исключительно санкционирования социального поведения в терминах нормативных ожиданий. А значит, как полагает автор, власть и властные структуры логически предшествуют структурам социальной стратификации. Данный подход открыл перспективы теоретизирования в направлениях как меритократических идей регулирования социальных неравенств, так и идей влияния на действия властей с целью изменения нормативной практики.

Список использованной литературы

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
2. Скворцов Н. Г. Этничность, раса, способ производства: неомарксистская перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. Вып. 1. Т. 1.
3. Darendorf R. The Nature and Types of Social Inequality // Social Inequality / ed. by A. Beteille. Penquin Books, 1972. P. 30-37.
4. Dyer R. White // Screen. 1988. № 4. Vol. 29.
5. Solomos J., Back L. Marxism, racism and ethnicity // American behavioral scientist. 1995. № 3. Vol. 38.
6. Hooks B. Representing whiteness in the black imagination // Cultural studies / ed. by L. Grossberg, C. Nelson, P. Treichler. London, 1992.